

Грамота № 955

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1792, на уровне пласта 11 (глубина 2,14 м), в напластованиях усадьбы Т. Это целый документ из семи строк; начиная с четвертой строки текст расположен уже в двух столбцах:

Ѡмилоушѣкъ	
марьнѣкосивѣ	
ликеепѣхатибѣе	
изасновида	рѣклати
Маренко	такъмилоуша
пеипизда	вѣдаи:ѣ:гриве
исѣкыле	невецѣрашенеи

В слове **сновида** вторая буква читается не вполне надежно: по-видимому, это зеркальное *n*, диагональ которого автор прочертил дважды. В слове **вѣликее** после *ѣли* и после *кее* зачеркнуто по одной букве. В слове **вецѣрашенеи** после *ра* зачеркнута буква *ш*: очевидно, автору не понравилось, как она получилась, и он написал ее снова.

В грамоте представлены не встречавшиеся ранее элементы: вторая ее половина расположена в два столбца; в трех точках (в **Ѡ милоушѣ**, **Маренко** и **рѣкла**) вырисованы фигурные инициалы книжного типа.

Другая особенность состоит в том, что грамота написана на втором слое листа бересты, на первом слое которого был сделан рисунок: двое святых и большой шестиконечный крест между ними. Рисунок пропечатался и на втором слое (в особенности левая фигура и крест [на прориси воспроизведены только они]); но, разумеется, его линии гораздо слабее, чем в буквах письма. Писавший, очевидно, принимал во внимание это изображение: текст письма не затрагивает его. (Не исключено также, что рисунок делался просто на другом листе бересты, который лежал в этот момент в стопке запасенной бересты поверх нашего листа.)

Длина 29,2 см, ширина 6,5 см.

Стратиграфическая дата: 30-е–40-е гг. XII в.

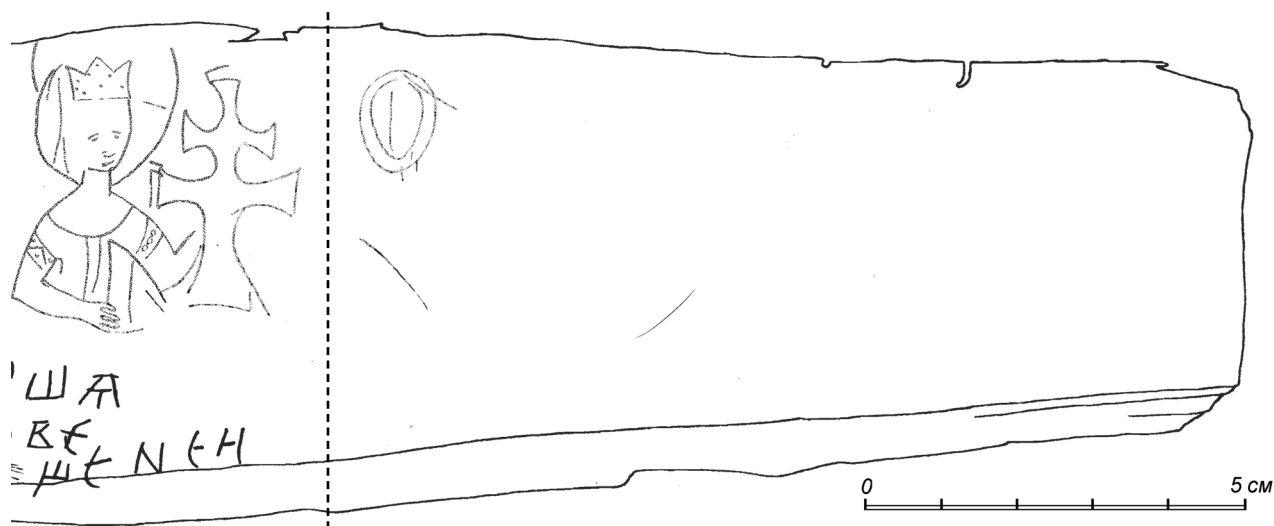
Внестратиграфическая оценка (с учетом корректировки таблиц): 40-е–90-е гг. XII в.

Текст делится на слова так:

Ѡ Милоушѣ къ Марьнѣ. Коси Вѣликее пѣхати бѣ ей за Сновида.

Маренко! пей пизда и сѣкыле!

рѣкла ти такъ Милоуша: Вѣдаи 2 гривене вецѣрашенеи.

Грамота представляет собой письмо от женщины к женщине; в домонгольский период эта весьма интересная категория берестяных писем встречается неоднократно. Некая Милуша пишет Марене, которая уже хорошо известна нам по нескольким грамотам усадьбы Е Троицкого раскопа, относящимся к тому же времени (см. ниже). Имеется также пряслице с ее именем, найденное неподалеку от самой грамоты № 955 в несколько более позднем слое. Согласно исследованию А. А. Гиппиуса (2003а), Марена была женой знатного новгородского боярина Петра Михалковича, игравшего важнейшую роль в новгородской администрации середины – третьей четверти XII века (см. НГБ-ХІ: 164–174). Как явствует из берестяных грамот, Марена обладала значительной хозяйственной властью, к ней обращался сам князь, она ведала выдачей денег, поступлением зерна и т. п. Вот тексты грамот, где фигурирует Марена (в переводе):

№ 794 (60-е – 80-е гг. XII в.): ‘От Петра к Марене. Если станет князь наделять купцов и пришлет к тебе, то ты ему скажи: «Ты, князь, [этим] ведаешь. Кого из мужей мор прошлой зимой унес, те (тех, тем) ...»’.

№ 798 (то же время): ‘Поклон от Завида к тетке (?). Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, чтобы отдали дань Марене, поскольку я приду и ты тогда отдашь (очевидно, своему сыну) назад зерном же. Кланяюсь тебе’.

№ 849 (сер. XII в.): ‘Приветствие от Петра к Демше. Дай Микуле Кишке гривен шесть, взявши у Марены. Приведа его сам, дай в присутствии Марены. А если попросит Ярко, то тому не давай. Приветствую тебя. Сделай же милость, исполни сам’.

Об имени *Марена* см. ДНД₂: 314. *Милуша* — ценное пополнение пока еще довольно ограниченного фонда древнерусских дохристианских женских имен; ср. аналогичное по строению *Малуша* (имя ключницы княгини Ольги).

В грамоте упомянут также *Сновидь* (см. об этом имени, в частности, ДНД₂: 361). Судя по хронологии и по месту находки, его можно предположительно отождествить с тем Сновидом, который фигурирует (в разных ролях) в целой серии грамот Троицкого раскопа: № 1007, 1009, 1012, 1045, 1047 (см. ниже). Что касается художника Сновида, упомянутого в грамоте № 780 (1180-е – 1200-е гг., усадьба Е), то, судя по хронологии, это уже другое лицо.

Четырехстрочная запись во втором столбце (начинающаяся со слова **Рѣкла**) представляет собой относительно самостоятельную часть текста — своего рода приписку: ‘Говорит (букв. сказала) тебе Милуша: дай две гривны вчерашние’. Как можно видеть, автор (Милуша) упоминается здесь в третьем лице. Возможно, таким образом, что все письмо записывала не сама Милуша, а кто-то другой. Но это всё же не обязательно: называть себя в письме в третьем лице, по-видимому, иногда могли и сами авторы.

Отметим, что *р(е)кла* здесь следует понимать не как ‘сказала’, а как ‘говорит’ (этой самой грамотой). Ср. точно такое же употребление перфекта в грамоте Ст. Р. 11 (*Иванла моловила Оимь*); см. об этом ДНД₂: 447.

При всей простоте этой приписки она рисует нам довольно яркую сцену из древненовгородского быта. Видно, с какой удивительной легкостью женщины той эпохи прибегали к письменной форме общения. Милуша виделась с Мареной еще вчера, когда они обсуждали какое-то дело, связанное с двумя гривнами (например, Марена могла обещать эти две гривны Милуше за что-то, или она взяла их у Милуши в долг на один день и т. п.). А уже на следующий день Милуша об этом пишет.

Много труднее для понимания основной текст письма. Он делится на две части, каждая из которых имеет свой инициал. Первая часть, за вычетом адресной формулы, — это отрезок *косивѣликеепѣхатибѣеи засновида*, где даже словоделение не вполне очевидно.

Начальное *ко* наводит на мысль, что здесь содержится какое-то приложение (или определение) к имени адресата (*къ Марьнѣ*). В частности, по сходству с народными словами типа *сиволатый*, *сиволюбый* можно предположить, что здесь стоит *ко сивѣликее* ‘к сиволикой (серолицей)’. Но против этого говорит, во-первых, буква *ѣ* (а не *о*) после *сив* (т. е. здесь пришлось бы предполагать прямую буквенную ошибку), во-вторых, сугубо книжный характер морфемы *лик-* (в народном тексте должно было бы быть *лиц-*).

Другое членение — *коси вѣликее*. Можно предположить, в частности, ‘коси большие’ (подразумевается: пожни). Буква *ѣ* вместо *е* в слове *вѣликее* здесь препятствия не составляет: в грамоте есть и другие, вполне надежные примеры взаимной мены этих двух букв: *рѣкла* вместо *рекла*, *вѣцѣрашенеи* вместо *вѣчерашьнѣи*. Но отсутствие существительного в такой фразе, конечно, странно.

Относительно надежно вычленяется следующее слово: *пѣхати*. Вычленяется также сочетание *за Сновида*. Соответственно, для второй части фразы естественно принять членение *пѣхати бѣ еи за Сновида*. Выражение *пѣхати за кого*, насколько можно судить, непосредственно не засвидетельствовано, но его смысл вполне прозрачен. Исходным здесь является устойчивое выражение *поити за кого* ‘выйти замуж за кого-л.’. Слово *замуж*, часто (но все же необязательно) добавляемое здесь в современном языке, в древнем языке не требовалось: ср. хотя бы *поиди за мѣне* в берестяной грамоте № 377. Это вполне логично: древнее *за мужь* еще ясно осознавалось как словосочетание, совершенно однотипное с *за Петра*, *за княза* и т. п.; *идеть за Петра* было конкретным указанием жениха, а *идеть за мужь* — просто сообщением о том, что намечается брак.

Что же касается употребления глагола *пѣхати* вместо *поити*, то, видимо, это реализация образа свадебного *п о е з д а*. Глагол *пѣхати* и производные от него широко употребляются в народной терминологии, связанной со свадьбой, и в свадебных песнях, выступая практически как обозначение самого события свадьбы. Так, в СРНГ (28: 277–284) отмечено целых 25 терминов с основой *поезд-*, *поезж-*, связанных со свадьбой, в частности: *пѣезд*, *поездá* (жен. рода), *пѣздины*, *поезжáние*, *поезжáне*, *поезжáки*, *поезжáльи*, *поезжáный*, *поезжáтый*, *поезжáльня*, *поезжáнь*. Особый интерес в этой связи представляет отмеченное в КСГРС *уѣхать* ‘выйти замуж’ (Волог.): *Уехано у ѣй было перед самой войной; Уехали все, никто в девках не остался; Пересидевши в девках, не уехала во время*⁵.

Правда, в *пѣхати бѣ еи* может вызвать сомнение *бѣ* вместо ожидаемого *бы*: имеющиеся в нынешнем корпусе берестяных грамот примеры *бѣ* относятся к XIV и XV вв. Однако сравнение с другими примерами утраты конечных гласных (не редуцированных) показывает, что во 2-й половине XII в. это явление было уже возможно. Вот примеры утраты конечной гласной в берестяных грамотах XII в.: *вѣдаешь* 794, *истерлаешь* 809, *воземешь* 227, *оправ[ь]* 850, *ополош* Ст. Р. 10, *быше* (<шь) 809 (из *бышла*), *домовь* ‘домой’ 421, *о[ть]* 844, *ѡ* (= *оть*) 809, *ать ти* 502, *дать да* 852; также чуть позднее — в грамотах рубежа XII–XIII вв. и начала XIII в.: *моловише*, *не оуправише*, *оте* (<ть) 705, *молове* (<вь), *то те* (<ть), *нако* (<къ) (из *накы*) 531; подробнее см. ДНД₂, § 2.28.

С другой стороны, в данном случае *бѣ* может стоять вместо *бы* и не по фонетической, а по чисто графической причине: ср. *З гривнь* (<ны), *сѣ близокъ* (<кы) 907 (рубеж XI–XII вв.), *дроугъхо* (<гыхъ) 662/684 (XII в.), где представлена графическая замена *ы* на *ѣ*.

Представляет интерес также синтаксическая сторона оборота *пѣхати бѣ еи*, т. е. сама конструкция «инфинитив + *бы* + датив субъекта» в значении ‘следовало бы такому-то сделать то-то’, ‘суметь бы такому-то сделать то-то’. Эта конструкция до сих пор в берестяных грамотах не встречалась, но известна, в частности, из Киевской летописи за XII век. Вот некоторые примеры: *то аче бѣ ми и далече того блюсти ѡслати, а могль бы^х Игоря сѣблюсти* (Ипат. [1147], л. 130); *се иноплемьници ѡвали ѡтчиноу ваию, а лѣно вы бѣ потроудитиса* ([1189], л. 230); *и поча с ним^м думати, яко же бѣ Изаславу оу Киевѣ сѣдѣти, а Стѡславу оу Черниговѣ* ([1154], л. 171); *но ловимъ оу ним^х того, како бѣ ны взати бродъ Зарубьскыи* ([1151], л. 154); *и почаша с нимъ доумати, куда бѣ имъ выѣхати в Роускою землю* ([1190], л. 231 об.).

Кто же та девица, к которой относится слово *еи* в *пѣхати бѣ еи за Сновида*? Ни к адресату, ни к автору это *еи* относиться не может: адресат не называется в берестяных грамотах в третьем лице никогда, а автор, хоть и может быть назван в третьем лице, в данном случае по содержательным причинам вне подозрений.

Очевидно, ее имя, если оно вообще названо, может скрываться только в отрезке *косивѣликее*. Здесь следует учесть, что во 2-й половине XII в. уже бывают случаи замены *ѣ* на *и* (см. ДНД₂, § 2.31); это значит, что *коси* может стоять вместо *косѣ*.

⁵ Из общих соображений можно было бы также предположить для выражения *пѣхати за кого* значение ‘выйти замуж в другой город’; но приведенные здесь данные говорят о том, что такое предположение излишним.

После этого искомая девица уже находится: это дочь Марены (или, может быть, какая-то другая ее родственница) с домашним прозвищем *Коса Великая*. Более уместного и более фольклорного прозвища для девицы-красы трудно и придумать. Могло быть, например, несколько сестер, из которых эта была старшей (следует полагать, что для формирования прозвища старшинство было важнее, чем реальная величина косы). А выдавать дочерей замуж, как хорошо известно, полагалось строго в порядке старшинства.

Таким образом, мы интерпретируем *косивбликее* как дательный падеж *Кос(ѣ) В(е)лик(ѣ)и*⁶. Местоимение *еи*, как это нередко бывает в народных текстах, дублирует этот дательный падеж: ‘Большой Косе — пойди бы ей замуж за Сновида’.

Стоящая затем звательная форма *Маренко* — прямое обращение к адресату, причем в этот раз имя выступает уже в ласкательной или фамильярной форме (с суффиксом *-ѣк-). Отметим, что с точно таким же варьированием представлено в грамотах и имя мужа Марены: он именуется то *Петръ*, то *Петрокъ*.

Пропуск ѣ в *Марен(ѣ)ко* — такой же, как в *С(ѣ)новида*.

Следующую словоформу *пеи* нужно понимать как императив 3-го (а не 2-го) лица: ‘пусть пьет’. (К сожалению, нельзя установить, что стоит за буквой *е* в *пеи*, — прояснившееся [e] или еще исконное [ь].)

Последняя фраза, выходящая за рамки «нормативной» лексики, — готовое речение, бытовавшее в эротическом фольклоре. Эта формула (‘пусть пьет *vulva*’) в буквальном виде неоднократно отмечена в фольклорных записях XIX–XX вв.; см. РЭФ: 329, 483, 484, 513. Она явно связана со «срамными» песнями, составляющими важную часть народного свадебного ритуала, исконная функция которых состоит в том, чтобы магическим путем способствовать плодородию, продолжению рода. Первоначальный образ здесь восходит к индоевропейской древности: обожествленное Небо (санскр. *Dyaus*, греч. *Ζεύς*, лат. *Jupiter* — мужское начало) оплодотворяет обожествленную Землю (слав. *Мать сыра земля*, греч. *Γημήτηρ* — женское начало)⁷ дождем. Тем самым Земля пьет; ср. выражения типа *Дождь напоил землю*. «В этнографической и мифологической литературе широко известны славянские и индоевропейские (и не только индоевропейские) свидетельства о небе-отце и матери-земле и связанные с ними обряды вызывания дождя — мужского оплодотворяющего семени, дающего земле плодородие» (Толстой 1995: 413). Н. И. Толстой указывает (там же: 412–417) на фразеологизмы *пьян как земля* и *пьян как мать*, сохраняющиеся в белорусской и сербской народных традициях, объясняя их как отражения того же первичного мифа. Вариации этого же мотива в сниженной форме сохраняются в эротическом фольклоре; ср., например, в РЭФ (с. 126, № 24): «А чего тебе, дивчина, / пузо надулось?» / — «В поле была, горох ела, / Воды *напила*ся». Наиболее полный анализ мифологических корней русской «заветной» (выражаясь языком Даля) терминологии и ее сакральной функции см. в работе Б. А. Успенского «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии» (Успенский 1996: 67–161).

Формула, выступающая в грамоте № 955, отражает тот же мифологический образ, что *пьян как мать*, — с теми же семантическими компонентами ‘пить, напиток’ и ‘рождающее начало, *genetrix*’. В письме Милуши эта формула играет роль своего рода цитаты из предстоящего свадебного празднества с его общим эротическим («срамным») колоритом. Это образный призыв к Марене (ср. начинающее фразу фамильярное *Маренко!*), чтобы та согласилась на эту свадьбу. Таким образом, в данном случае никакой бранной окраски «заветная» лексика не имеет: она выступает в рамках своей исконной сферы, где она еще отчетливо сохраняет свой первоначальный сакральный и ритуальный характер.

За написанием *сѣкыле* стоит либо *сѣкыл(ѣ)*, либо *с(и)кыл(ѣ)* (в последнем случае мы имеем дело с еще одним примером мены *и* и *ѣ*, помимо *коси*). Это то же, что *sikoll* у Фенне (с. 89) и *сѣкиль*, *сѣкель* ‘*clitoris*’ в говорах (СРНГ, 37: 126 [Забайкалье]; 37: 300 [Перм., Сев.-Двин., Сиб.]; в этих же двух вариантах слово многократно представлено в РЭФ). Суффикс *-ыль*, который выявлен благодаря данной грамоте в этом слове, —

⁶ С грамматической точки зрения допустимо также другое решение: *Коси Вѣликее* — это прозвище «Большие Косы» (т. е. И. мн., а не Д. ед.). Но, во-первых, коса, по-видимому, должна была быть одна; во-вторых, наименования людей словоформой множ. числа предельно редки.

⁷ Ср. также непосредственное включение слов ‘отец’ и ‘мать’ в наименования *Jupiter*, *Мать сыра земля*, *Γημήτηρ*.

тот же, что в *мотыль* (ср. *мотаться, метаться*), *костыль* (от *кость*), *горбыль* (от *горб*) и др. Корень — *сик-, сѣк-, съц-* ‘tingere’ (с разными степенями чередования).

Последние два слова, соединенные союзом *и*, образуют характерную для народных текстов риторическую фигуру — так наз. гендиадис (парное обозначение единого понятия), типа *совет да любовь, страх и ужас* и т. п.

По предположению М. Бобрик, Милуша — сваха (подобно Ярине в берестяной грамоте № 731). Вполне возможно также, что две гривны «вчерашие» прямо связаны с этой ее деятельностью. Например, фраза про гривны может означать, что, по мнению Милуши, она уже заслужила обещанную ей накануне награду.

В итоге в свободном переводе можно представить грамоту № 955 так. Основная часть: ‘От Милуши к Марене. Большой Косе — пойти бы ей замуж за Сновида. Маренка! Пусть же напьется (набухнет)⁸ рождающее лоно!’ Дополнительная часть: ‘Говорит тебе Милуша: дай две гривны вчерашие’.

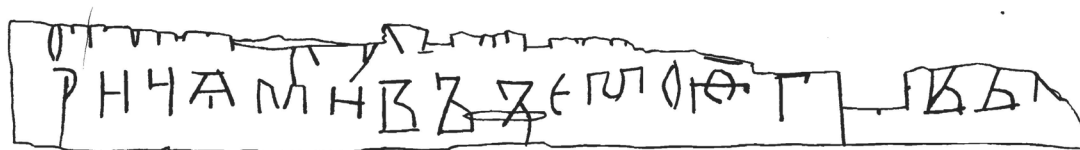
В дополнение к этому разбору следует указать, что анализу коммуникативной ситуации грамоты № 955 и ее прагматике посвящена большая статья Д. Коллинза (2011). Автор исходит из того, что все три сообщения, на которые распадается письмо, равно как и рисунок, сделанный на первом слое берестяного листа и отпечатавшийся на дошедшем до нас втором слое, должны рассматриваться как части единого целого, в рамках ситуации сватовства, с которой соотносится основной текст грамоты. Как считает Д. Коллинз, две гривны, о которых говорится в третьем сообщении, — слишком большая сумма, чтобы быть вознаграждением, требуемым Милушей от Марены за исполнение ею функций свахи. Он полагает, что речь может идти только о вене, выкупе за невесту, и следовательно, эта часть грамоты адресована уже не Марене, а кому-то на стороне жениха — его отцу или ему самому (но косвенно — также и Марене). Считая грамоту коммуникативно неоднородной, Д. Коллинз полагает, что не дошедший до нас текст на верхнем слое бересты предназначался для стороны жениха, а сохранившийся нижний слой — для стороны невесты; таким образом, грамота представляла собой документ, доводивший до обеих сторон брачных переговоров предварительный результат их раннего этапа, в котором центральная роль принадлежала свахе.

Слово *сѣкыль* Д. Коллинз предлагает понимать не как ‘clitoris’, но как ‘penis’.

Грамота № 956

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1758, на уровне пласта 11 (глубина 2,18 м), в напластованиях усадьбы Т. Это левая часть двухстрочной грамоты:

ото [ми]ха[лако]...
рицами в зэмо ѳг [ри]в[ь]н...

Прорись грамоты № 956

Отрезок *рицами* — явно конец словоформы *вѣверицами* ‘деньгами’.

Длина 14,1 см, ширина 1,6 см.

⁸ Слова *напьется* и *набухнет* оказываются в данной ситуации почти синонимичными. Отметим в связи с этим замечательную этимологическую находку Н. И. Толстого, который объяснил русское просторечное *бухой* ‘пьяный’ как развившееся на основе первоначального значения ‘напоенный, насыщенный влагой, набухший, мягкий’ (Толстой 1995: 416–417).